
В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах
Под общей редакцией Ф. М. Головенченко
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Том III. Статьи и рецензии 1843-1848
Редакция В. И. Кулешова
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее. Поэтому говорить о русской литературе 1846 года – значит говорить о современном состоянии русской литературы вообще, чего нельзя сделать, не коснувшись того, чем она была, чем должна быть. Но мы не вдадимся ни в какие исторические подробности, которые завлекли бы нас далеко. Главная цель нашей статьи – познакомить заранее читателей "Современника" с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением как журнала. Программы и объявления в этом отношении ничего не говорят: они только обещают. И потому программа "Современника", по возможности краткая и не многословная, ограничилась только обещаниями чисто внешними. Предлагаемая статья, вместе с статьей самого редактора, напечатанною во втором отделении этого же номера, будет второю, внутреннюю, так сказать, программу "Современника", в которой читатели могут сами, до известной степени, поверять обещания исполнением. {429}

Если бы нас спросили, в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости. Само собою разумеется, что подобная характеристика может относиться только к литературе недавней, молодой и притом возникшей не самобытно, а вследствие подражательности. Самобытная литература зреет веками, и эпоха ее зрелости есть в то же время и эпоха числительного богатства ее замечательных произведений (*chef d'oeuvres*). Этого нельзя сказать о русской литературе. Ее история, как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собою зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятным, почти бессмысленным, как скоро на нее будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу. Как и все, что ни есть в современной России живого, прекрасного и разумного, наша литература есть результат реформы Петра Великого. Правда, он не заботился о литературе и ничего не, сделал для ее возникновения, но он заботился о просвещении, бросив в плодovitую землю русского духа семена науки и образования, – и литература, без его ведома, явилась впоследствии сама собою как необходимый результат его же деятельности. В том-то, скажем мимоходом, и состояла органическая жизненность преобразования Петра Великого, что оно породило много и такого, о чем он, может быть, и не думал, чего он даже и не предчувствовал. Даровитый и умный Кантемир, вполнину подражатель, вполнину перелagатель на русские нравы сатир римских поэтов (преимущественно Горация) и их подражателя и перелagателя на французские нравы – Буало, Кантемир, с его силлабическим размером, с его языком, полукнижным, полународным, который, по самой этой смеси, был языком образованного общества того времени, Кантемир и вслед за ним Тредьяковский, с его бесплодную ученостию, с его бездарным трудолюбием, с его схоластическим педантизмом, с его неудачными попытками усвоить русскому стихотворству правильные тонические размеры и древние гекзаметры, с его варварскими виршами и варварским двоекратным переложением Роллена, – Кантемир и Тредьяковский были, так сказать, прологом, предисловием к русской литературе. От смерти первого прошло с небольшим сто два года (он умер 31 марта 1744 года); от смерти второго прошло только с небольшим семьдесят семь лет (он умер 6 августа 1769 года). Тредьяковский был еще в цвете своей славы и еще только шесть лет величал себя "профессором элоквенции и хитростей пиитических"; еще молодой, но больной, слабый и уже близкий к смерти, Кантемир был жив {Кантемиру тогда было 31 год, а Тредьяковскому – 36 лет.}, когда в 1739 году двадцативосьмилетний Ломоносов – Петр Великий русской литературы – прислал из немецкой земли свою знаменитую "Оду на взятие Хотина", с которой, по всей справедливости, должно считать начало русской литературы. Все, что сделано было Кантемиром, осталось без следа и влияния в книжном мире; все, что было сделано